

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук Чубарова Игоря Михайловича о диссертации Тимофеевой Оксаны Викторовны «Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Рассмотрение фигуры животного как нового Большого Другого - предприятие столь же увлекательное и важное, сколь и опасное. Ибо животное, как понятие, метафора или образ вполне может занять, например, место столь же концептуального, или метафорического бога как такого Другого, не поколебав при этом традиционный символический порядок, который задается прежде всего социальными практиками, иерархиями, групповыми интересами и т.д. Но работа Оксаны Тимофеевой претендует на нечто иное, а именно на переписание границ отношений человеческого и животного, неизбежно предполагающего и переопределение отношений философии и литературы, естественных и гуманитарных наук в перспективе поиска ответа на вопрос, звучащий скорее как политический: описать животное в человеческом «я» как Другое самому себе, причем не в редуционистском биолого-эволюционистском, естественно-научном смысле, но и не в сугубо гуманитарном, метафорическом. Как следствие, решение подобной задачи могло бы привести к пониманию места и положения самих людей в традиционных социальных порядках, применяемых в них процедурах исключения и репрессии, но и относительного, диалектического включения с предоставлением ограниченной свободы действий. Как справедливо пишет Тимофеева: «граница, проводимая между животным и

человеческим в той или иной философской или метафизической системе, позволяет не только продемонстрировать, как устроена и функционирует эта система, и какие механизмы включения и/или исключения в ней задействованы, но и какие в ней содержатся, пусть совершенно имплицитно или даже вопреки самой этой системе, субверсивные, эмансипаторные элементы».

Важно отметить, что философия в ее истории отнюдь не выступает при этом у Тимофеевой предельным, имманентным и тотальным горизонтом анализа, а скорее материалом, результатом введения особым образом понятой фигуры животного в ее различные контексты, направления и школы. Сама диссертантка пишет об этом достаточно определенно, обозначая в качестве основной задачи исследований: « продемонстрировать, как понятие или метафора животного функционируют в той или иной философской системе, нередко подрывая ее изнутри или выводя на какой-то новый уровень, когда, благодаря вторжению, казалось бы, маргинальной фигуры нечеловеческого Другого, перед этой системой открываются возможности переосмысления феномена человека». Причем действующими лицами своеобразного посмертного диалога философов и писателей, который представляет собой текст диссертации выступают по словам Тимофеевой «не столько философы и их идеи, сколько животные как та фигура Другого, благодаря которой становится возможным эти идеи переосмыслить.» Кстати, жанр философской работы, сталкивающий например идеи таких очень разных мыслителей и писателей как Аристотель и Ж. Батай, Гегель и Кафка, А. Платонов и М. Хайдеггер, в проблемном поле, заданным самим исследователем, а не оставляющим их в защищенных историографических редутах, представляется нам наиболее удачной инновацией диссертантки. Хотя не очень понятно почему в качестве призрачных коммуникаторов не

были рекрутированы, например, Кант и Гофман или Эдгар Аллан По с их котами?

Оригинальность подхода Тимофеевой к философской классике в проблематике животного и его границах и связях с человеческим заключается в отклонении слишком модных сегодня ее разоблачений с позиций постгуманистической критики. И это притом, что очевидный для классики антропоцентризм, дуализм души и тела, и возникший на их основе априорный тезис об исключительности, сверхценности и превосходстве человека над всеми остальными видами живого и неживого Тимофеева вовсе не разделяет. Сохраняя методологическую верность постструктуралистским подходам, Тимофеева берется выявить те слои классических философских текстов, которые открылись в том числе в современных медиаусловиях и новейших методах герменевтического анализа. Поэтому деконструкция текстов Аристотеля, Декарта, Гегеля, Хайдеггера диссертантки не ограничивается критикой, а выглядит как "попытка позитивной реконструкции той или иной философской системы, обнаружение потенций ее развития в современном контексте". Необходимо так же отметить аргументированное различие исследовательской позиции Тимофеевой от традиции немецкой антропологии начала XX в., которую она тактично не разделяет и не использует в своей работе.

Искать в животном природу и сущность человека и при этом не впасть в догматический натурализм, не свести все усилия к подтверждению гипотез биологического эволюционизма – задача в современной философской антропологии наиактуальнейшая. Тимофеева уточняет свою задачу как перевернутую тему Делеза, который писал о становлении животным, когда, избегая излишней метафоричности можно

задаться философски вопросом о становлении человека из животного и в животном, не скатываясь в спекулятивный идеализм.

Стратегия критики и деконструкции кажется Тимофеевой недостаточной: вместо того, чтобы сбрасывать тексты антропоцентричных классиков с постгуманистического корабля современности, она предлагает установить с ними диалог через века. В соответствии с таким методологическим кредо смещается и основной фокус в исследовании животного – Тимофееву интересует не зверь сам по себе, но соотношения животного и человеческого, зеркальная игра между тем и другим, переход одного в другое. При этом не столько животное в человеке оказывается в центре внимания, сколько человеческое в животном. Таким образом, Тимофеева вырабатывает критическую дистанцию по отношению к своим, преимущественно западным, коллегам по цеху и разрабатывает оригинальную концепцию. Стоит отметить, что в рамках этой концепции философия не просто уживается с литературой, а образует своего рода концептуально-метафорический комплекс: то, о чем философия умалчивает, выдает литература – утопическое пространство, в которое возвращается вытесненное философское бессознательное. Кафка и Андрей Платонов – излюбленные авторы, к которым Тимофеева обращается снова и снова, чтобы сделать явным некое скрытое содержание, связанное с антропогенезом, сообществом, трудом, смертью, болью, памятью и т.д.

Заслуживает внимания применяемая Тимофеевой комплексная методология. Указывая на опасность догматизма, которую несет с собой простое переворачивание классической бинарной оппозиции человек-животное и, соответственно, простая смена иерархии (когда человек низвергается со своих антропоцентричных вершин), исследовательница сочетает историко-философский и критический анализ с психоанализом, диалектикой и аналитической антропологией. В результате – и этот

результат я считаю одним из самых важных – проблематика Другого, в рамках которой Тимофеева рассматривает фигуру животного, усложняется и расширяется. Речь идет не просто о нечеловеческом Другом (животном, растении, камне, зомби, и т.д.), но также и о другом человеке – например, о таком, который уязвим, ущемлен в правах, и о человеке как Другом, о самоотчуждении, несовпадении с собой человеческого животного. Что же касается самих животных, животных как таковых, реально существующих животных, то их Тимофеева хотя и рассматривает в рамках проблематики Другого, но представляет, скорее, как своих, ближних. Исследование уникально именно тем, что перед нами не этология, не биоэтика, не зоопсихология и не феноменологии, а именно антропология животных – бытие животного рассматривается в антропологической перспективе. В качестве наиболее интересной в методологическом плане я бы выделил применение диалектики исключения-включения, которая на отношениях человека и животного, проявляется, как мы уже сказали, ее функционирование и исключительно внутри человеческого общества.

Диссертация Тимофеевой состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии, подготовленной с большой добросовестностью. Во введении, в соответствии со всеми формальными требованиями, автор обосновывает новизну, актуальность, практическую и теоретическую значимость своего исследования, знакомит читателя с методологическими и теоретическими основаниями, с целями и задачами своей работы. Каждая последующая глава приносит новую неожиданную параллель.

В первой главе Тимофеева обращается к Аристотелю и, в частности, обращает внимание на небольшой фрагмент из его книги «История животных», где речь идет о коне, которого, с целью произвести

замечательное потомство, скрещивают с его собственной матерью, после чего конь совершает самоубийство. Эдипизированный конь Аристотеля наводит на многие размышления, связанные с философскими стратегиями включения животных в человеческий мир и их исключения из него (здесь автор опирается на Ж. Симондона), с динамической устойчивостью греческого космоса, основанной на мимесисе, и в то же время с хрупкостью этого космоса. Тимофеева сопоставляет этого «человекообразного» коня с другими, «варварскими» лошадьми, о которых рассуждает Ж. Батай в одном из своих любопытных ранних эссе.

Во второй главе рассматриваются древние и средневековые формы включения животных в сферу закона. Речь идет сначала о первобытном тотемизме, в рамках которого животные были предметом культа и почитались как предки, которые могли быть принесены в жертву (но не просто убиты), а затем – о средневековом феномене судов над животными – когда животных по одному или группами казнили или отлучали от церкви. Хотя эта традиция и кажется сегодня дикой, однако она демонстрирует, что животные рассматривались не как вещи, а как полноправные, вменяемые субъекты, которых можно было казнить (но не просто убить). Сегодня же – и это во многом заслуга гуманизма – наивысшей ценностью обладает только человеческая жизнь, тогда как животное не признается субъектом, которого можно было бы судить или которому можно было бы, например, проповедовать (как Франциск Ассизский, проповедовавший зверям и птицам благую весть).

В третьей главе Тимофеева пишет о стратегиях исключения – главным образом, опираясь на ставший классическим труд об исключенных -- «Историю безумия в классическую эпоху» М. Фуко. Животное и безумец имеют между собой, как утверждает Фуко, нечто общее. Если мерой всего оказывается разум, мыслящая субстанция,

способность мыслить и выражать свои мысли, то такой универсум базируется на картезианском исключении. Конечно, Декарт проводил четкую линию между мыслящим человеком, обладающим бессмертной душой, и животным как простым телесным механизмом, не способной страдать машиной. Но, обращаясь к полемике между М. Фуко и Ж. Деррида о *cogito* и безумии у Декарта, Тимофеева очерчивает возможности альтернативного прочтения его философии.

Четвертая глава посвящена гегелевским животным. Это, пожалуй, самая обширная, центральная часть исследования Тимофеевой. На исследовании животного организма в «Философии природы» автор останавливается очень подробно, анализируя гегелевскую систему классификации животных, его рассуждения об отличие животных от человека, о степенях свободы, характерных для разных существ, об ошибках природы и силе понятия, и особенно – о животном как субъективности, которая заявляет о своем бытии посредством отрицания.

Почему негативность, которая, по мысли Гегеля, характеризует любую субъективность, начинающуюся с принципиального несовпадения с собой, с выхода из себя (самый яркий пример – элевсинские мистерии, с участниками которых Гегель сравнивает животных, как бы отчаявшихся в существовании чувственных вещей и оттого непосредственно пожирающих или уничтожающих эти вещи), в интерпретации А. Кожева, а затем и Ж. Батая, оказывается исключительной характеристикой человека в его отличии от животного? Этот вопрос обсуждается в *пятой главе*, где Тимофеева предлагает рассмотреть животное в батаевских терминах «безработной негативности».

Шестая глава посвящена животным в творчестве Андрея Платонова, который в этой связи сравнивается сначала с Хайдеггером, а затем – с Кафкой. Если у Хайдеггера бедность животного миром свидетельствует не

просто о разрыве, но о настоящей пропасти между живым существом и Dasein, то платоновская бедная жизнь, напротив, объединяет – это то общее, что есть у всех живых существ вплоть до самых мельчайших. Душевная жизнь животных становится объектом внимания Платонова, а вслед за ним – Тимофеевой, которая подхватывает и развивает его стратегию очеловечивания, или «радикального революционного гуманизма», проводя параллели между Платоновым и Кафкой, у которого говорящее животное отсылает к памяти и бессознательному. В заключении подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований, которые, надеюсь, не заставят себя долго ждать.

Как и любая полноценная научная работа, диссертация Тимофеевой вызывает ряд критических замечаний. К недоработкам диссертации можно отнести слишком быстрый переход от животного как Другого к человеку как Другому себе – то есть животному. Так например О. Тимофеева утверждает: «Существительное «животное», указывающее на живое существо, возникает в результате субстантивации прилагательного, которое служит определением для чего-то: так, говорят о животном начале, животной природе, животном инстинкте. Если человек, можно сказать, предшествует своему определению, то животное, как бы лишенное собственной субстанции, которую выражало бы отдельное существительное, определяет само себя, рождается из своего качества, из некой определенности.» Но существует и более фундаментальный разрыв между живущими как лишь якобы примерами или экземплярами живого и жизнью как субстанцией, которой власть наделяет или ограничивает живущих как свойством. Здесь и человек и животное уравниваются перед лицом анонимной над-человеческой силы.

Вторая сложность связана с попыткой выйти за пределы так называемого «антропологического круга». Проблема состоит в том, что

фигуру животности все равно приходится "освобождать" на языке человека. Это подтверждает следующая цитата из диссертации О. Тимофеевой: «Стратегия включения, или гостеприимства, опирается на идею общности всех видов, предполагающей возможность принятия, коммуникации и позитивного взаимодействия с Другим. В этой перспективе, открытой для разного уровня эмпатии, человек представляется, конечно, одним из животных, но и у представителей других видов обязательно обнаруживается что-нибудь «человеческое» (своего рода мышление, своего рода язык, своего рода осознание смерти и т.д.). Другой, таким образом, становится «своим», происходит его присоединение, ассимиляция.» Выбраться из этого антропологического круга едва ли возможно. Но сама проблема Тимофеевой поставлена достаточно принципиально.

И наконец, к упущению я бы отнес непроработанность в диссертации Тимофеевой проблематики domestикации и характеристик домашних животных в отличие от животных диких и содержащихся в зоопарках, в контексте обсуждаемых проблем.

Замечания эти, однако, не умаляют достоинств выполненной на самом высоком теоретическом уровне работы. Перед нами образец подлинного философского исследования, которое ставит перед собой новые вопросы и находит новые пути их решения, расширяя границы философской антропологии как научной дисциплины. Эта работа может и должна послужить основой для целого ряда последующих разработок в области философии человека и животного, войти в учебные курсы по современной философии и антропологии. Анализ фигуры Другого, представленный в диссертации, важен и для других общественных наук.

Автореферат соответствует содержанию диссертации. Основные положения работы отражены в научных публикациях в журналах,

входящих в перечень рекомендуемых и учитываемых российских и зарубежных рецензируемых изданий, а также в опубликованных монографиях автора на русском и английском языках. Диссертационное исследование «Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным» соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ 24.09.2013 г. № 842, а его автор, Тимофеева Оксана Викторовна, заслуживает присуждения степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук (09.00.11 – социальная философия),

Директора Института социально-гуманитарных наук

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Чубаров Игорь Михайлович

24.09.2018 г.

Адрес:

625003, г. Тюмень

ул. Володарского, 6

Факс: 8 (3452) 59-75-59

Тел.: 8 (3452) 59-74-29, 59-74-82

E-mail: i.m.chubarov@utmn.ru

Сайт: <https://www.utmn.ru/ihss/>

Игорь Чубаров
Игорь Чубаров
Игорь Чубаров

24.09.2018